

Дело «Харченко (Kharchenko) против Украины»¹

(Жалоба № 40107/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург, 10 февраля 2011 г.

По делу «Харченко против Украины» Европейский Суд по правам человека (Пятая Секция), заседавшая Палатой в составе:

Пэра Лоренсена, *Председателя Палаты*,

Карела Юнгвирта,

Марка Виллигера,

Изабеллы Берро-Лефевр,

Мирияны Лазаровой Трайковской,

Анны Юдковской,

Юлии Лафранк, *судей*,

а также при участии Клаудии Вестердийк, *Секретаря Секции Суда*,

заседая 18 января 2011 г. за закрытыми дверями, вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 40107/02, поданной 23 октября 2002 г. в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) против Украины гражданином Украины Леонидом Петровичем Харченко (далее – заявитель) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представлял С.В. Захаров, адвокат, практикующий в Киеве. Власти Украины были представлены сотрудником Министерства юстиции, Уполномоченным Украины при Европейском Суде И. Зайцевым.

3. 13 ноября 2006 г. Европейский Суд признал жалобу частично неприемлемой и решил коммуницировать властям Украины жалобу в части условий содержания под стражей и отсутствия лечения

и медицинской помощи (статья 3 Конвенции), длительности и законности его содержания под стражей (подпункт «с» пункта 1 и пункт 3 статьи 5 Конвенции), отсутствия возможности обжаловать незаконность и длительность его содержания под стражей (пункт 4 статьи 5 Конвенции) и чрезмерной длительности уголовного разбирательства и отсутствия эффективных средств правовой защиты в этом отношении (пункт 1 статьи 6 и статьи 13 Конвенции). В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции Европейский Суд решил рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель родился в 1958 году и проживает в Киеве.

A. УГОЛОВНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ ЗАЯВИТЕЛЯ

5. 21 апреля 2000 г. прокурор Ватутинского района Киева (далее – ватутинский районный прокурор) возбудил уголовное дело в связи с растратой средств компании Р. Заявитель первоначально являлся свидетелем по делу.

6. 4 апреля 2001 г. ватутинский районный прокурор возбудил уголовное дело против заявителя по подозрению в соучастии в растрате.

7. 7 апреля 2001 г. ватутинский районный прокурор вынес постановление о заключении заявителя под стражу, поскольку он подозревался в преступлении, наказуемом лишением свободы.

8. 17 мая 2001 г. следователь возбудил другое уголовное дело против заявителя по подозрению в соучастии в растрате и объединил его с первым уголовным делом против заявителя.

9. 3 июня 2001 г. тот же прокурор продлил содержание под стражей заявителя до 4 июля 2001 г.

10. С 27 июня по 6 сентября и 14 сентября 2001 г. заявитель и его адвокат знакомились с материалами уголовного дела.

11. 14 сентября 2001 г. заявителю было предъявлено обвинение в хищении.

12. 28 сентября 2001 г. обвинительное заключение было утверждено ватутинским районным прокурором. Дело было передано в Ватутинский районный суд Киева (далее – Ватутинский суд) для рассмотрения по существу.

13. 26 сентября 2001 г. адвокат заявителя подал ходатайство в Ватутинский суд, требуя немедленного освобождения заявителя.

14. 5 октября 2001 г. дело поступило в Ватутинский суд, и 12 октября 2001 г. судья Вату-

¹ Единственно официальными текстами постановлений Европейского Суда по правам человека являются тексты на французском и английском языках. Перевод на русский язык не налагает каких-либо обязательств на Совет Европы и Европейский Суд по правам человека.

© «Бюллетень Европейского Суда по правам человека».

тинского суда К. провел предварительное слушание по нему.

15. 15 октября 2001 г. судья К. постановил возвратить уголовное дело против заявителя для дополнительного расследования. Он также отклонил ходатайство заявителя об освобождении от 26 сентября 2001 г., не усмотрев оснований для изменения меры пресечения, избранной прокурором. В частности, суд указал, что заявитель 7 апреля 2001 г. был заключен под стражу на основании постановления прокурора, чтобы исключить возможность уклонения от следствия и суда, воспрепятствования установлению истины в уголовном деле и продолжения преступной деятельности, а также обеспечить исполнение процессуальных решений в тех случаях, когда закон предусматривает лишение свободы на срок свыше трех лет. Срок содержания под стражей не был определен.

16. 29 января 2002 г. Киевский городской апелляционный суд (далее – апелляционный суд) отменил решение от 15 октября 2001 г. и направил дело на новое рассмотрение по существу в Деснянский районный суд Киева (бывший Ватутинский районный суд, который после изменения судебных округов в Киеве стал именоваться Деснянским судом; далее – Деснянский суд).

17. 4 марта 2002 г. Деснянский суд провел предварительное слушание. Он рассмотрел ходатайство заявителя об освобождении под залог и не нашел оснований для освобождения. Он также отметил, что заявитель содержится под стражей законно, поскольку уголовное разбирательство против него продолжается.

18. 11 марта 2002 г. адвокат заявителя подал ходатайство в Деснянский суд об освобождении заявителя. Это ходатайство было отклонено в тот же день. Суд указал, что заявитель может уклониться от правосудия или воспрепятствовать ему, и с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного и экономического положения нет оснований для замены содержания под стражей иной мерой пресечения. 14 марта 2002 г. суд отклонил аналогичное ходатайство, поданное заявителем на тех же основаниях, добавив, что также должна быть учтена тяжесть преступления. Два аналогичных ходатайства заявителя были отклонены судом 4 и 19 апреля 2002 г. по тем же основаниям.

19. Решением от 29 апреля 2002 г. Деснянский суд вновь возвратил дело на дополнительное расследование. Суд также подтвердил содержание заявителя под стражей, отметив, без дополнительных уточнений, что нет оснований для изменения меры пресечения. Срок содержания под стражей не был определен.

20. 23 июля 2002 г. апелляционный суд отменил решение и возвратил дело на новое рассмотрение по существу. Суд также отметил, что законных оснований для освобождения по ходатайству заявителя не имеется, и посчитал заключение суда первой инстанции законным, обоснованным и соответствующим материалам дела. Ввиду этого он оставил меру пресечения без изменения.

21. В августе 2002 г. апелляционный суд распорядился передать уголовное дело из Деснянского суда в Голосеевский районный суд Киева (далее – Голосеевский суд).

22. 28 августа 2002 г. Голосеевский суд назначил слушание дела на 13 сентября 2002 г.

23. 14 октября 2002 г. судья С. возобновила рассмотрение дела по существу и сообщила адвокату заявителя, что она решила не возвращать дело на дополнительное расследование. Суд также отклонил ходатайство заявителя об освобождении на том основании, что он может скрыться от правосудия или препятствовать ему.

24. 17 октября 2002 г. защита заявила отвод судье С.

25. 24 декабря 2002 г. судья Голосеевского суда С. постановила возвратить дело на дополнительное расследование. Она также решила, что нет оснований для изменения меры пресечения в отношении заявителя.

26. 13 марта 2003 г. апелляционный суд отменил решение от 24 декабря 2002 г. и возвратил дело в Голосеевский суд для рассмотрения по существу. Он также постановил, что заявитель должен оставаться под стражей, так как последний обвиняется в совершении тяжких преступлений, наказуемых лишением свободы.

27. 13 мая 2003 г. Голосеевский суд постановил, что дело должно быть возвращено на дополнительное расследование ватутинскому районному прокурору. Он продлил срок содержания заявителя под стражей, не указав конкретных причин. Суд также отклонил ходатайство заявителя о прекращении производства по делу.

28. 28 июля 2003 г. Верховный суд Украины отклонил ходатайство заявителя о рассмотрении кассационной жалобы на решение об отказе в прекращении производства по делу, поскольку заявитель не выполнил процессуальные формальности.

29. 4 августа 2003 г. Деснянский районный прокурор освободил заявителя из-под стражи. Заявитель подписал обязательство не покидать место жительства.

30. 30 августа 2003 г. адвокат заявителя безуспешно ходатайствовал перед прокуратурой об амнистии заявителя с учетом характера выдвину-

тых против него обвинений и его неудовлетворительного состояния здоровья.

31. 24 октября 2003 г. уголовное расследование было приостановлено, поскольку один из подозреваемых находился в розыске.

32. 30 декабря 2003 г. следователь Деснянской районной прокуратуры прекратил уголовное разбирательство против заявителя в отношении всех обвинений, кроме двух, за отсутствием доказательств его причастности к преступлению. Уголовное дело в отношении остальных обвинений было передано в Деснянский районный отдел милиции.

33. 18 сентября 2004 г. следователь Деснянского районного отдела милиции прекратил уголовное разбирательство против заявителя в отношении остальных обвинений за отсутствием доказательств совершения преступления и возбуждал уголовное дело о совершении преступлений неизвестным лицом. Это решение, по-видимому, ошибочно датировано 18 сентября 2003 г. вместо 18 сентября 2004 г. На следующий день уголовное разбирательство было приостановлено из-за невозможности установления личности подозреваемого.

В. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

34. С 20 апреля 2001 г. по 4 августа 2003 г. заявитель содержался в СИЗО № 13 Киева, в изоляторе, по словам заявителя, характеризовавшемся неудовлетворительными условиями и ненадлежащей медицинской помощью.

35. Власти Украины утверждали, что в этом изоляторе заявитель содержался в следующих камерах:

- камере № 30 площадью 9 кв. м, рассчитанной на трех заключенных;
- камере № 64 площадью 52,36 кв. м, рассчитанной на 20 заключенных;
- камере № 66 площадью 53,07 кв. м, рассчитанной на 21 заключенного;
- камере № 68 площадью 61,19 кв. м, рассчитанной на 24 заключенных;
- камере № 72 площадью 10,21 кв. м, рассчитанной на четырех заключенных;
- камере № 76 площадью 9,92 кв. м, рассчитанной на трех заключенных;
- камере № 116 площадью 10 кв. м, рассчитанной на четырех заключенных;
- камере № 117 площадью 9,96 кв. м, рассчитанной на трех заключенных;
- камере № 128 площадью 15,95 кв. м, рассчитанной на шесть заключенных;
- камере № 195 площадью 22,44 кв. м, рассчитанной на восемь заключенных;

– камере № 258 площадью 23,38 кв. м, рассчитанной на пять заключенных;

– камере № 263 площадью 24,9 кв. м, рассчитанной на шесть заключенных;

– камере № 326 площадью 12,9 кв. м, рассчитанной на пять заключенных;

– камере № 328 площадью 12,9 кв. м, рассчитанной на пять заключенных;

– камере № 333 площадью 12,9 кв. м, рассчитанной на восемь заключенных;

– камере № 336 площадью 12,9 кв. м, рассчитанной на пять заключенных.

Все камеры постоянно снабжались холодной водой, имели естественное и искусственное освещение, отдельный туалет и вентиляцию. Число заключенных в каждой камере не превышало количества мест.

36. Заявитель утверждал, что он не содержался в камерах №№ 333 и 336. В камерах №№ 64, 66 и 68 имелось по 40 кроватей. В камере № 72 площадью 9 кв. м было сыро и очень холодно зимой. В последней камере он провел в общей сложности 18 месяцев. В камере № 195, в которой была очень плохая вентиляция, он провел в общей сложности шесть месяцев.

С. МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ В ПЕРИОД СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

37. Власти Украины утверждали, что заявитель прошел полное медицинское обследование при поступлении в СИЗО 20 апреля 2001 г. Он не имел жалоб на свое здоровье и был поставлен на учет (*диспансерний облік*) в связи с его хроническими заболеваниями.

38. 16 ноября 2001 г., 24 апреля 2002 г. и 15 апреля 2003 г. заявитель проходил регулярные медицинские осмотры и рентгенологические обследования. Проверка не выявила никаких проблем с легкими.

39. В соответствии с медицинской справкой, выданной 6 декабря 2001 г., заявитель страдал легкой формой диабета, которая требовала специальной диеты, но не медицинской помощи.

40. В соответствии с медицинской справкой, выданной 10 июля 2002 г., у заявителя были диагностированы ишемическая болезнь сердца, стенокардия, сахарный диабет.

41. 15 января 2003 г. заявитель был осмотрен кардиологом, который установил, что заявитель страдает ишемической болезнью сердца и стенокардией.

42. 27 января 2003 г. заявитель просил оказать ему медицинскую помощь, жалуюсь на боль в груди и головокружение. После медицинского обследования было принято решение перевести заявителя в медицинскую часть СИЗО. С 28 января 2003 г.

заявитель лечился в медицинской части СИЗО с диагнозом «нейроциркуляторная дистония и шейный остеохондроз». Заявителю было назначено несколько видов лекарств. Раз в три дня его осматривал терапевт. 29 января 2003 г. он был осмотрен кардиологом, который установил, что у заявителя нет проблем с сердцем. 30 января 2003 г. заявитель был осмотрен невропатологом. 11 марта 2003 г. заявитель покинул медицинскую часть СИЗО с удовлетворительным состоянием здоровья. После лечения и до освобождения заявитель не обращался к врачам и не жаловался на здоровье.

43. После освобождения, с 7 до 27 августа 2003 г., заявитель проходил медицинское обследование в больнице № 15 Киева по поводу аритмогенной кардиомиопатии и мерцательной аритмии.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

44. Статья 253 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что при принятии решения о предании обвиняемого суду судья должен, в частности, разрешить вопрос об изменении, отмене или применении меры пресечения. Иное применимое национальное законодательство кратко изложено в Постановлении Европейского Суда по делу «Невмержицкий против Украины» (*Nevmerzheritsky v. Ukraine*), жалоба № 54825/00, §§ 53–61, *ECHR* 2005-II (извлечения), и в Постановлении Европейского Суда по делу «Шалимов против Украины» (*Shalimov v. Ukraine*) от 4 марта 2010 г., жалоба № 20808/02, §§ 39–42.

ПРАВО

I. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА

45. В ответ на меморандум властей Украины заявитель выдвинул новые доводы о нарушении статьи 3 Конвенции, ссылаясь на неудовлетворительные условия его содержания под стражей в отделе милиции до его перевода в СИЗО, а также на условия его содержания под стражей в здании суда в период слушаний. Европейский Суд отмечает, что эти новые, представленные позднее доводы не являются уточнением первоначальной жалобы, в связи с которой стороны дали свои объяснения. Таким образом, Европейский Суд считает нецелесообразным отдельно рассматривать эти вопросы в настоящее время (см. Постановление Европейского Суда по делу «Витрук против Украины» (*Vitruk v. Ukraine*) от 16 сентября 2010 г., жалоба № 26127/03, § 49).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

46. Заявитель жаловался на то, что он подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, поскольку он был задержан, несмотря на то, что страдал рядом хронических заболеваний. Со ссылкой на статью 3 Конвенции он также жаловался на условия содержания под стражей и отсутствие адекватного лечения и медицинской помощи в этот период. Статья 3 Конвенции предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. ПЕРЕПОЛНЕННОСТЬ И УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

1. Приемлемость жалобы

47. Власти Украины утверждали, что жалобы заявителя не были конкретными и не содержали подробных сведений об условиях содержания в тюрьме. Они утверждали, что условия содержания заявителя в заключении соответствовали санитарным нормам, питание было надлежащим и не было случаев, когда в камерах находилось чрезмерное число заключенных.

48. Заявитель не согласился с этим. Он жаловался на перенаселенность камер, плохую вентиляцию и недостаточное отопление в холодную погоду.

49. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

50. Европейский Суд отмечает, что в соответствии с его прецедентной практикой для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости. Оценка указанного минимального уровня является относительной; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., § 162, Series A, № 25). Кроме того, оценивая, является ли обра-

щение «унижающим достоинство» по смыслу статьи 3 Конвенции, Европейский Суд должен учитывать, являлись ли целью соответствующих действий оскорбление и унижение потерпевшего, и оказывал ли он с точки зрения последствий отрицательное влияние на его личность способом, несовместимым со статьей 3 Конвенции. Даже отсутствие такой цели не может окончательно исключать факт нарушения этого положения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пирс против Греции» (*Peers v. Greece*), жалоба № 28524/95, §§ 67–68 и 74, *ECHR* 2001-III, и Постановление Европейского Суда по делу «Валашинас против Литвы» (*Valašinas v. Lithuania*), жалоба № 44558/98, § 101, *ECHR* 2001-VIII).

51. Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что испытываемые страдания и унижение в любом случае должны выходить за пределы неизбежного элемента страдания или унижения, связанного с применением той или иной формы правомерного обращения или наказания. Меры лишения свободы часто включают такие элементы. Согласно этому подходу государство должно обеспечить лицу содержание в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, чтобы способ и метод исполнения этой меры не подвергали его страданиям и трудностям, превышающим неизбежный уровень, присущий содержанию под стражей, и чтобы, учитывая практические требования меры, связанной с лишением свободы, его здоровье и благополучие адекватно охранялись (см. Постановление Европейского Суда по делу «Калашников против Российской Федерации» (*Kalashnikov v. Russia*), жалоба № 47095/99, § 95, *ECHR* 2002-VI¹).

52. В настоящем деле сторонами были представлены разные цифры в отношении жилого пространства, приходящегося на одного заключенного в период содержания заявителя под стражей в Киевском СИЗО. Данные, представленные властями Украины, указывали на то, что большинство камер, в которых содержался заявитель, имели площадь от 2,55 до 4,67 кв. м жилого пространства на одного заключенного. С другой стороны, доводы заявителя указывали на то, что он располагал только одной третью жилого пространства, указанного властями Украины.

53. Европейский Суд отмечает, что власти Украины не представили доказательств в поддержку своей оценки жилого пространства, приходящегося на одного заключенного в

Киевском СИЗО, хотя располагали соответствующей информацией и доказательствами. В любом случае с учетом последовательной прецедентной практики Европейского Суда по этому вопросу и соответствующих стандартов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (которые изложены, например, в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Калашников против Российской Федерации», § 97, и Постановлении Европейского Суда по делу «Мельник против Украины» (*Melnik v. Ukraine*) от 28 марта 2006 г., жалоба № 72286/01, § 47) даже те данные, которые были представлены властями Украины, указывают на то, что заявитель содержался в переполненных камерах.

54. Европейский Суд далее отмечает, что власти Украины в любом случае не обосновали свои доводы в отношении адекватности системы вентиляции. При таких обстоятельствах он склонен принять утверждения заявителя по этому вопросу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ахмет Ёзкан и другие против Турции» (*Ahmet Özkan and Others v. Turkey*) от 6 апреля 2004 г., жалоба № 21689/93, § 426). Европейский Суд, таким образом, находит, что содержание под стражей заявителя в условиях переполненности камер в течение двух лет, трех месяцев и 15 дней усугублялось также отсутствием достаточной вентиляции. Это заключение также коррелирует с выводами Европейского Суда, сделанными им в деле Коваля (см. Постановление Европейского Суда по делу «Коваль против Украины» (*Koval v. Ukraine*) от 19 октября 2006 г., жалоба № 65550/01, § 76), которое касалось того же следственного изолятора.

55. Вышеупомянутые соображения достаточны для того, чтобы Европейский Суд заключил, что условия содержания под стражей заявителя в Киевском СИЗО № 13 составляют унижающее человеческое достоинство обращение в нарушение статьи 3 Конвенции.

В. ОТСУТСТВИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ЗАЯВИТЕЛЮ

56. Власти Украины настаивали на том, что медицинская помощь, оказанная заявителю, была достаточной. Он проходил регулярные медицинские осмотры, и реакция на его жалобы в отношении здоровья являлась адекватной.

57. Заявитель считал медицинскую помощь неудовлетворительной. Он настаивал на том, что он перенес сердечный приступ во время содержания под стражей и не получил никакой медицинской помощи. Он также отметил, что в январе 2003 г.

¹ Опубликовано в «Путеводителе по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год».

кардиолог сделал два противоположных вывода в отношении его проблем с сердцем (см. §§ 41 и 42 настоящего Постановления). Он утверждал, что одна из его медицинских справок сфальсифицирована, поскольку биометрические данные в ней неправильны, и хотя тюремные власти его госпитализировали, они не признали, что у него имеется болезнь сердца. Он также указал, что после освобождения он прошел стационарное лечение в связи с болезнью сердца из-за плохих условий содержания в тюрьме.

58. Европейский Суд отмечает, что статья 3 Конвенции возлагает на государства обязательство защищать физическое благополучие лиц, лишенных свободы. Европейский Суд признает, что медицинская помощь, доступная в тюремных больницах, может не всегда иметь тот же уровень, что и в лучших медицинских учреждениях широкого доступа. Тем не менее государство должно гарантировать, чтобы здоровье и благополучие заключенных надлежащим образом обеспечивались, кроме всего прочего, предоставлением им требуемой медицинской помощи (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, § 94, *ECHR* 2000-XI, и Постановление Европейского Суда по делу «Уртадо против Швейцарии» (*Hurtado v. Switzerland*) от 28 января 1994 г., Series A, № 280-A).

59. Тот факт, что заключенный осматривается врачом и ему обеспечивается некая форма лечения, не может автоматически влечь вывод об адекватности медицинской помощи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хумматов против Азербайджана» (*Hummatov v. Azerbaijan*) от 29 ноября 2007 г., жалобы №№ 9852/03 и 13413/04, § 116). Власти также должны обеспечить всесторонний учет состояния здоровья заключенного и лечения, проведенного в заключении (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Худобин против Российской Федерации» (*Khudobin v. Russia*), жалоба № 59696/00, § 83, *ECHR* 2006-XII (извлечения)¹), и, если это обусловлено природой медицинского состояния, наблюдение за больным должно быть регулярным и систематическим и включать всестороннюю терапевтическую стратегию, направленную на лечение заболеваний заключенного или предотвращение их ухудшения, а не реагирование в случае появления симптомов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хумматов против Азербайджана», §§ 109, 114, Постановление Европейского Суда по делу «Сарбан против Молдовы» (*Sarban v. Moldova*)

от 4 октября 2005 г., жалоба № 3456/05, § 79, и Постановление Европейского Суда по делу «Попов против Российской Федерации» (*Popov v. Russia*) от 13 июля 2006 г., жалоба № 26853/04, § 211²).

60. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что 15 января 2003 г. заявителю был поставлен диагноз, связанный с заболеванием сердца, и он был госпитализирован 28 января 2003 г. в связи с болью в груди. В последнем случае диагноз не был связан с заболеванием сердца. Европейский Суд не имеет возможности решить, который из диагнозов был правильным, и обоснованы ли утверждения заявителя о том, что власти не признавали у него заболевание сердца во время его пребывания в медицинской части СИЗО. Ввиду этих обстоятельств он рассмотрит вопрос о том, соответствовала ли медицинская помощь, оказанная заявителю, его состоянию здоровья. В этом отношении Суд отмечает, что заявитель был помещен в медчасть СИЗО на следующий день после того, как он пожаловался на боль в груди. Ему были назначены лекарства, и его регулярно осматривал врач. 11 марта 2003 г. он был выписан в удовлетворительном состоянии здоровья и в дальнейшем не жаловался на свое здоровье вплоть до своего освобождения из СИЗО, последовавшего через пять месяцев. Этот последний пункт заявитель не оспаривает. Кроме того, представляется, что его госпитализация в августе 2003 года, после его освобождения, не имела причинной связи с его лечением в период между январем и мартом 2003 года. Его утверждение о том, что он перенес сердечный приступ, не подкреплено достаточными подробностями, включая дату происхождения. Наконец, состояние его здоровья не представляется настолько плохим, чтобы быть несовместимым с содержанием под стражей.

61. Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд считает, что эта часть жалобы не была надлежащим образом обоснована и раскрыта заявителем (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского Суда по делу «Вислогузов против Украины» (*Visloguzov v. Ukraine*) от 20 мая 2010 г., жалоба № 32362/02, § 49). Соответственно, она подлежит отклонению как явно необоснованная в значении подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

62. Заявитель утверждал, что его заключение под стражу было незаконным. Он ссылаясь на подпункт «с» пункта 1 и пункт 3 статьи 5 Конвенции.

¹ Опубликовано в «Бюллетене Европейского Суда по правам человека» № 11/2007.

² Опубликовано в специальном выпуске «Российская хроника Европейского Суда» № 1/2008.

Заявитель также жаловался в соответствии с пунктом 1 статьи 6 и статьей 13 Конвенции на отсутствие эффективных средств правовой защиты в связи с его жалобами в отношении его заключения под стражу. Европейский Суд решил рассмотреть последнюю жалобу на основании пункта 4 статьи 5 Конвенции. Соответствующие положения статьи 5 Конвенции предусматривают:

«Статья 5 Конвенции

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: ...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения; ...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

63. Европейский Суд отмечает, что жалоба в этой части не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

64. Заявитель считал свое заключение под стражу незаконным.

65. Власти Украины настаивали, что заключение под стражу заявителя являлось законным. Первоначально оно было санкционировано про-

курором, который имел право согласно закону при таких обстоятельствах принимать решение о заключении под стражу, и эта процедура регулировалась оговоркой к подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, принятой Украиной в соответствии со статьей 57 Конвенции с целью урегулирования процедуры ареста и заключения под стражу, которая действовала в период, относящийся к обстоятельствам дела до 29 июня 2001 г. Они также отметили, что суды Украины несколько раз рассматривали вопрос о законности содержания заявителя под стражей и подтверждали ее. Власти Украины утверждали, что с учетом того, что заявитель не явился на допрос в качестве свидетеля до его задержания, национальные органы приняли во внимание угрозу того, что он скроется, и тяжесть выдвинутых против заявителя обвинений.

66. Европейский Суд отмечает, что предварительное заключение заявителя можно разделить на три периода. Первый период, охватываемый постановлением прокурора о заключении под стражу, продолжался со дня задержания заявителя 4 апреля до 4 июля 2001 г., когда истек срок последнего продления срока содержания под стражей, решение о котором было вынесено прокурором (см. § 9 настоящего Постановления). Второй период, который не был охвачен никакими решениями, длился с 4 июля до 15 октября 2001 г., когда судья принял решение о содержании заявителя под стражей в ходе судебного разбирательства. Наконец, третий период, который охватывался вышеупомянутым решением от 15 октября 2001 г. и рядом последовательных судебных решений, начался 15 октября 2001 г. и закончился освобождением заявителя 4 августа 2003 г.

(а) Законность содержания заявителя под стражей с 4 апреля по 4 июля 2001 г.

67. Европейский Суд отмечает, что заключение под стражу заявителя было первоначально санкционировано прокурором Ватутинского района г. Харькова¹ 7 апреля 2001 г. Заключение под стражу в соответствии с настоящей процедурой регулировалась оговоркой к подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая была принята Украиной в соответствии со статьей 57 Конвенции с целью сохранения порядка ареста и заключения под стражу, действовавшего в период, относящийся к обстоятельствам дела, до 29 июня 2001 г. Европейский Суд учитывает сделанные им в деле Невмержицкого выводы о том, что в соответ-

¹ Так в тексте. Ватутинский район в Харькове отсутствует. Ранее в тексте Постановления упоминался Ватутинский район Киева, существовавший до изменения административной структуры в 2001 году (*прим. переводчика*).

ствии с положениями вышеуказанной оговорки Украина не имела конвенционного обязательства гарантировать, что первоначальное задержание и заключение под стражу таких лиц, как заявитель, должно быть санкционировано судом. Однако Европейский Суд далее установил, что вопрос о продлении срока содержания под стражей не подпадает под действие оговорки (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Невмержицкий против Украины», §§ 112–114).

68. Содержание заявителя под стражей было продлено один раз соответствующим прокурором на один месяц. Это решение о продлении содержания заявителя под стражей было вынесено тем же прокурором 3 июня 2001 г. на период с 4 июня по 4 июля 2001 г.

69. Европейский Суд отмечает, что судебное решение о продлении срока содержания под стражей в отношении заявителя с 4 июня по 4 июля 2001 г. вынесено не было. Решение о продлении содержания заявителя под стражей было вынесено прокурором, который являлся стороной судебного разбирательства и в принципе не мог рассматриваться как «независимое должностное лицо, наделенное, согласно закону, судебной властью» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мерит против Украины» (Merit v. Ukraine) от 30 марта 2004 г. жалоба № 66561/01, § 63). При таких обстоятельствах Европейский Суд заключает, что содержание заявителя под стражей с 4 июня по 4 июля 2001 г. было незаконным в значении подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Таким образом, отсутствует необходимость рассматривать вопрос о соблюдении национального законодательства в отношении вышеупомянутого периода с 29 июня по 4 июля 2001 г., когда поправки к Уголовно-процессуальному кодексу вступили в силу.

(b) Законность содержания заявителя под стражей с 4 июля по 15 октября 2001 г.

70. Европейский Суд отмечает, что в соответствии со статьей 156 Уголовно-процессуального кодекса Украины, действовавшего в тот период, не требовалось принятие внутреннего решения для проверки периода содержания под стражей, в течение которого лицо знакомились с материалами дела. В настоящем деле срок окончательного решения прокурора о содержании заявителя под стражей истек 4 июля 2001 г. Заявитель оставался под стражей с 4 июля до 15 октября 2001 г. без принятия какого-либо решения о содержании его под стражей на период, пока он знакомился с делом и пока следственные органы готовили обвинитель-

ное заключение и материалы дела для передачи на рассмотрение в суд.

71. Европейский Суд уже рассмотрел и установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в ряде дел, касавшихся практики содержания под судимых под стражей в силу одного лишь факта направления в суд обвинительного заключения. Он постановил, что практика содержания под судимых под стражей без конкретной правовой основы или в отсутствие ясных правил, регулирующих их ситуацию, – в результате чего они могут быть лишены свободы на неограниченный срок без санкции суда, – несовместима с принципами правовой определенности и защиты от произвола, присущими Конвенции, и с верховенством права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Елоев против Украины» (Yeloyev v. Ukraine) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 17283/02, § 50).

72. Таким образом, период содержания заявителя под стражей с 4 июля до 15 октября 2001 г. не соответствовал пункту 1 статьи 5 Конвенции.

(с) Законность содержания заявителя под стражей с 15 октября 2001 г. по 4 августа 2003 г.

73. Европейский Суд также отмечает, что согласно статье 253 Уголовно-процессуального кодекса национальный суд при предании лица суду должен решить вопрос об изменении, прекращении или применении меры пресечения. По-видимому, от суда не требуется приводить основания для продления содержания обвиняемого под стражей или устанавливать какие-либо временные ограничения содержания под стражей.

74. Европейский Суд полагает, что отсутствие точного положения, устанавливающего, может ли и при каких условиях содержание под стражей в течение ограниченного периода на стадии расследования быть продлено в ходе судебного разбирательства, не удовлетворяет критерию «предсказуемости» «закона» в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции. Он также напоминает, что практика, разработанная в связи с законодательным пробелом, в соответствии с которой лицо может содержаться в заключении неограниченный и непрогнозируемый срок в отсутствие ссылки на правовые нормы или судебные решения, сама по себе противоречит принципу правовой определенности, принципу, который подразумевается в Конвенции и который является одним из основных элементов верховенства права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши» (Baranowski v. Poland), жалоба № 28358/95, §§ 55–56, ECHR 2000-III, и Постановление Европейского Суда по делу «Кавка против Польши» (Kawka v. Poland) от 9 янва-

ря 2001 г., жалоба № 25874/94, § 51, Постановление Европейского Суда по делу «Фельдман против Украины» (*Feldman v. Ukraine*) от 8 апреля 2010 г., жалобы №№ 76556/01 и 38779/04, § 73).

75. Европейский Суд отмечает, что, хотя суд оставил 15 октября 2001 г. меру пресечения в виде предварительного заключения в отношении заявителя в силе, он не установил срок его содержания и не указал оснований для его содержания под стражей (см. § 15 настоящего Постановления). Это повлекло для заявителя состояние неопределенности в отношении оснований для его задержания после этой даты. В этой связи Европейский Суд напоминает, что в отсутствие указания оснований в судебном решении, предусматривающем содержание под стражей в течение длительного периода, оно несовместимо с принципом защиты от произвола, воплощенным в пункте 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Соловей и Зозуля против Украины» (*Solovey and Zozulya v. Ukraine*) от 27 ноября 2008 г., жалобы №№ 40774/02 и 4048/03, § 76). При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что решение районного суда от 15 октября 2001 г. не обеспечило заявителю адекватной защиты от произвола, что является важным элементом «законности» содержания под стражей в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции, и, следовательно, содержание под стражей заявителя после 15 октября 2001 г. также не соответствовало пункту 1 статьи 5 Конвенции.

76. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

2. Пункт 3 статьи 5 Конвенции

77. Заявитель полагал, что его предварительное заключение было чрезмерно длительным.

78. Власти Украины настаивали на том, что у органов государственной власти Украины имелись основания для содержания заявителя под стражей, поскольку он подозревался в совершении серьезного преступления, в ряде случаев не являлся к следователю и мог скрыться от правосудия и воспрепятствовать расследованию. Они считали, что органы государственной власти Украины провели расследование с надлежащей тщательностью, учитывая сложность дела и количество следственных действий, которые должны были быть предприняты. Они также указали на тот факт, что за время содержания заявителя под стражей в течение двух месяцев и десяти дней несет ответственность заявитель, которому этот срок требовался для изучения дела.

79. Европейский Суд напоминает, что вопрос о том, какой период содержания под стражей может считаться разумным, не может быть разрешен

отвлеченно. Это должно быть определено в каждом деле в соответствии с его особыми характеристиками, мотивировкой решений национальных судов и документированными фактами, на которые ссылался заявитель в своих ходатайствах об освобождении. Длительное содержание под стражей может быть оправданным в данном деле, только если есть конкретные признаки реального требования публичного интереса, которое, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает правило уважения индивидуальной свободы (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, § 153, *ECHR* 2000-IV).

80. Европейский Суд констатирует, что предварительное заключение заявителя продолжалось два года и четыре месяца. Он отмечает, что тяжесть предъявленных заявителю обвинений и угроза того, что он скроется, являлись мотивами первоначального решения о заключении заявителя под стражу. После этого прокуроры и суды вообще не выдвигали никаких оснований в поддержку дальнейшего содержания заявителя под стражей, лишь указывая на то, что ранее выбранная мера пресечения является правильной. Однако пункт 3 статьи 5 Конвенции предусматривает, что со временем наличие обоснованного подозрения само по себе не оправдывает лишение свободы, и судебные органы должны привести другие основания для дальнейшего содержания под стражей. Кроме того, эти основания должны быть прямо указаны национальными судами (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Елоев против Украины», § 60). В настоящем деле суды не представили никаких оснований. Кроме того, ни на одной стадии разбирательства национальные власти не рассматривали другие меры пресечения в качестве альтернативы содержанию под стражей.

81. Вышеизложенные соображения достаточны для того, чтобы Европейский Суд мог заключить, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

3. Пункт 4 статьи 5 Конвенции

82. Заявитель жаловался на отсутствие возможности обжалования его содержания под стражей на стадии судебного разбирательства.

83. Власти Украины утверждали, что ходатайства заявителя об освобождении рассматривались 12 октября 2001 года, 29 января, 28 февраля, 4, 11 и 14 марта, 19 и 29 апреля, 23 июля, 14 октября и 24 декабря 2002 г. и 13 марта 2003 г. Принимая во внимание тяжесть обвинений и угрозу того, что он скроется, национальные суды отклонили эти ходатайства. Они отметили, что безуспешность

требований об освобождении заявителя не означает, что национальные средства правовой защиты неэффективны. Власти Украины настаивали на том, что заявитель и его адвокат имели возможность обжаловать законность содержания заявителя под стражей и воспользовались этой возможностью. Они заключили, что требования пункта 4 статьи 5 Конвенции нарушены не были.

84. Европейский Суд напоминает, что пункт 4 статьи 5 Конвенции наделяет задержанное или заключенное под стражу лицо правом на судебное рассмотрение процессуальных и материально-правовых вопросов, которые являются существенными для определения «законности» лишения лица свободы по смыслу Конвенции. Это означает, что компетентный суд обязан проверить не только соблюдение процессуальных требований национального законодательства, но также обоснованность подозрения, в связи с которым произведено задержание, и правомерность цели, преследуемой задержанием и последующим содержанием под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Буткевичус против Литвы» (*Butkevičius v. Lithuania*), жалоба № 48297/99, § 43, *ECHR* 2002-II).

85. Европейский Суд отмечает, что при обстоятельствах настоящего дела законность содержания заявителя под стражей была рассмотрена национальными судами несколько раз. Однако судебные решения о задержании заявителя не в полной мере удовлетворяют требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции. Эти решения, по-видимому, повторили стандартный набор оснований для содержания заявителя под стражей без рассмотрения достоверности таких оснований при обстоятельствах конкретной ситуации заявителя (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского Суда по делу «Белевский против Российской Федерации» (*Belevitskiy v. Russia*) от 1 марта 2007 г., жалоба № 72967/01, §§ 111–112¹).

86. Европейский Суд также подчеркивает, что ходатайство заявителя об освобождении от 26 сентября 2001 г. было рассмотрено судом только 15 октября 2001 г., что не отвечало требованию безотлагательности. Представляется, что вышеупомянутое ходатайство было подано заявителем до того, как уголовное дело заявителя было направлено в суд. Для того, чтобы направить материалы дела в суд, потребовалось девять дней. Суду потребовалось семь дней, чтобы назначить предварительное слушание, и еще три дня, чтобы рассмотреть ходатайство заявителя (см. §§ 13–15 настоящего Постановления). Представляется, что

оперативность рассмотрения вопроса о правомерности содержания заявителя под стражей зависела от даты слушания дела против него, что противоречило интересам заявителя при обстоятельствах настоящего дела и что, по-видимому, является распространенной проблемой в делах против Украины (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Волосюк против Украины» (*Sergey Volosyuk v. Ukraine*) от 12 марта 2009 г., жалоба № 1291/03, § 57) из-за отсутствия четких и предсказуемых положений, устанавливающих процедуру в период судебного разбирательства, которые были бы совместимы с пунктом 4 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Молодорыч против Украины» (*Molodorych v. Ukraine*) от 28 октября 2010 г., жалоба № 2161/02, § 108, не вступившее в силу).

87. Соответственно, Европейский Суд считает, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 И СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

88. Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции на чрезмерную длительность уголовного разбирательства и на отсутствие эффективных средств правовой защиты в связи с длительностью разбирательства его дела вопреки статье 13 Конвенции. Эти положения в соответствующей части предусматривают следующее:

«Пункт 1 статьи 6 Конвенции

Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...

Статья 13 Конвенции

Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

89. Власти Украины оспорили эти доводы. Они утверждали, что разбирательство окончилось 30 декабря 2003 г.

90. Заявитель утверждал, что согласно последней информации, полученной в мае 2007 года уголовное разбирательство еще продолжалось.

91. Европейский Суд отмечает, что уголовное разбирательство в отношении растраты было возбуждено 21 апреля 2000 г. и, по-видимому, было приостановлено на неопределенный срок в сентябре 2004 года. Однако он отмечает, что заявитель

¹ Опубликовано в специальном выпуске «Российская хроника Европейского Суда» № 8/2007.

являлся подозреваемым в вышеупомянутом деле с 4 апреля 2001 года. 30 декабря 2003 г. и 18 сентября 2004 г. уголовное разбирательство против заявителя было прекращено по реабилитирующим основаниям, и в дальнейшем разбирательство проводилось против неизвестного лица. Европейский Суд не убежден в том, что дальнейшее разбирательство каким-то образом оказало влияние на права заявителя в части статьи 6 Конвенции после 18 сентября 2004 г. Таким образом, он заключает, что период, который должен приниматься во внимание, начинается 4 апреля 2001 г. и оканчивается не позднее 18 сентября 2004 г. Следовательно, этот период продлился три года, пять месяцев и 16 дней в одной инстанции.

92. Европейский Суд напоминает, что при определении разумности срока судебного разбирательства необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела и критерии, установленные в прецедентной практике Европейского Суда, в частности, сложность дела и поведение заявителей и соответствующих органов и значение предмета спора для заявителей (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, § 124, *ECHR* 2000-XI).

93. Европейский Суд отмечает, что в ходе уголовного разбирательства дело несколько раз направлялось на дополнительное расследование. В то же время все национальные суды рассматривали дело и жалобы заявителя без задержек, которые могли быть не совместимы с требованием «разумного срока», установленным пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

94. С учетом конкретных обстоятельств дела Европейский Суд заключает, что в настоящем деле общая длительность судебного разбирательства не являлась чрезмерной и не может быть признана неразумной (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Шавров против Украины» (*Shavrov v. Ukraine*) от 11 марта 2008 г., жалоба № 11098/03, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Соловей и Зозуля против Украины» от 27 ноября 2008 г., §§ 89–90).

95. Следовательно, эта жалоба в части пункта 1 статьи 6 Конвенции является явно необоснованной. В отсутствие доказуемой жалобы на нарушение статьи 6 Конвенции Европейский Суд не обязан рассматривать вопрос о том, имелись ли эффективные внутренние средства правовой защиты, как того требует статья 13 Конвенции, для вышеупомянутых претензий. Таким образом, эта часть жалобы подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

96. До рассмотрения требований о справедливой компенсации, выдвинутых заявителем в соответствии со статьей 41 Конвенции, с учетом обстоятельств дела Европейский Суд находит необходимым определить, какие выводы с точки зрения статьи 46 Конвенции могут быть сделаны для государства-ответчика. Статья 46 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

97. Европейский Суд напоминает, что статья 46 Конвенции, толкуемая с учетом статьи 1 Конвенции, возлагает на государство-ответчика правовую обязанность принять под надзором Комитета министров целесообразные меры общего и/или индивидуального характера для обеспечения права заявителя, которое Европейский Суд признал нарушенным. Такие меры должны быть также приняты в отношении других лиц, находящихся в положении заявителя, особенно путем устранения проблем, которые повлекли вывод Европейского Суда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*), жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, § 249, *ECHR* 2000-VIII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства» (*Christine Goodwin v. United Kingdom*), жалоба № 28957/95, § 120, *ECHR* 2002-VI, Постановление Европейского Суда по делу «Лукенда против Словении» (*Lukenda v. Slovenia*), жалоба № 23032/02, § 94, *ECHR* 2005-X, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S. и Марпер против Соединенного Королевства» (*S. and Marper v. United Kingdom*), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, § 134, *ECHR* 2008-...). Эту обязанность последовательно подчеркивал Комитет министров Совета Европы в процессе надзора за исполнением постановлений Европейского Суда (см., например, резолюции ResDH(97)336, IntResDH(99)434, IntResDH(2001)65 и ResDH(2006)1). Теоретически в обязанности Европейского Суда не входит определение того, какие меры возмещения целесообразно принять государству-ответчику для приведения в соответствие с их обязательствами, вытекающими из статьи 46 Конвенции. Однако задачей Европейского Суда является содействие быстрому и эффективному устранению недостатка, выявленного в национальной системе защиты прав человека

(см. Постановление Европейского Суда по делу «Дриза против Албании» (*Driza v. Albania*), жалоба № 33771/02, § 125, *ECHR* 2007-XII (извлечения)).

98. В настоящем деле Европейский Суд установил нарушение статьи 5 Конвенции, которое может считаться периодически повторяющимся в прецедентной практике в делах против Украины. Хотя два из затронутых в настоящем деле вопросов больше не возникают в делах, касающихся предварительного заключения в связи с законодательными изменениями, произведенными на Украине (санкционирование и продление срока предварительного заключения прокурором и невключение времени на ознакомление с делом при исчислении срока предварительного заключения), другие вопросы остаются. Так, Европейский Суд регулярно устанавливает нарушения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, что касается периода содержания под стражей, не предусмотренного никакими судебными решениями, особенно относительно периодов между окончанием расследования и началом судебного разбирательства, и судебных решений, вынесенных в ходе судебного разбирательства, которые не устанавливают срока дальнейшего содержания под стражей, таким образом подтверждая, а не продлевая заключение, что не соответствует требованиям статьи 5 Конвенции (см. в числе многих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Елоев против Украины», §§ 49–55). Представляется, что оба вопроса являются следствием пробелов в законодательстве.

99. Кроме того, Европейский Суд часто устанавливает нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что даже при длительном периоде содержания под стражей национальные суды ссылаются на тот же набор оснований, если таковые имеются, в течение всего периода содержания заявителя под стражей, хотя пункт 3 статьи 5 Конвенции предусматривает, что со временем наличие обоснованного подозрения само по себе не оправдывает лишения свободы, и судебные органы должны привести иные основания для продления заключения, которые должны быть прямо указаны национальными судами (см. в числе многих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Елоев против Украины», §§ 59–61, и Постановление Европейского Суда по делу «Свершов против Украины» (*Svershov v. Ukraine*) от 27 ноября 2008 г., жалоба № 35231/02, §§ 63–65). Европейский Суд не имеет возможности указать конкретные меры, которые должны быть приняты в связи с этим, но отмечает, что этот вопрос должен решаться национальными властями, чтобы избежать дальнейших повторных жалоб по данному основанию.

100. Что касается права на пересмотр законности содержания под стражей, гарантированного пунктом 4 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд отмечает, что в данном и подобных ранее рассмотренных делах он столкнулся с проблемой уклонения национальных судов от адекватного реагирования на доводы заявителей в отношении необходимости их освобождения. Несмотря на наличие национальных судебных органов, уполномоченных рассматривать такие дела и выносить решения об освобождении, представляется, что в отсутствие ясной процедуры рассмотрения законности содержания под стражей вышеупомянутыми властями это средство правовой защиты часто остается теоретическим, а не практическим для целей пункта 4 статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Молодорч против Украины», § 108, не вступившее в силу). Кроме того, оперативность рассмотрения вопроса законности содержания под стражей, по-видимому, умаляется тем фактом, что такой пересмотр связан с другими процессуальными мерами в уголовном деле против заявителя в ходе расследования и суда, в то время как такие процессуальные действия, возможно, не совпадают с необходимостью принимать решение о дальнейшем содержании под стражей заявителя безотлагательно и с разумной периодичностью (см. в числе многих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Свершов против Украины», §§ 70–72, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Волосюк против Украины», §§ 52–59). Наконец, действующее законодательство не защищает заявителей от произвола, когда, как в деле Елоева, национальный суд отказался еще раз рассмотреть вопрос о разумности содержания под стражей заявителя на том основании, что он уже ранее рассматривал законность его содержания под стражей несколько раз, таким образом отказав заявителю в праве на пересмотр законности его содержания под стражей, гарантированного пунктом 4 статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Елоев против Украины», § 65). Европейский Суд полагает, что эти вопросы должны быть разрешены национальными властями, чтобы предотвратить повторение жалоб по данному основанию.

101. Согласно практике Европейского Суда при выявлении недостатков в национальной правовой системе он определяет их источник, чтобы содействовать государствам-участникам в поиске соответствующего решения, а Комитет министров осуществляет надзор за исполнением постановлений (см., например, Постановление Европейского Суда по делу

«Мария Виолета Лэзэреску против Румынии» (Maria Violeta Lăzărescu v. Romania) от 23 февраля 2010 г., жалоба № 10636/06, § 27, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Дриза против Албании», §§ 122–126, и Постановление Европейского Суда по делу «Юрпер и другие против Турции» (Ürper and Others v. Turkey) от 20 октября 2009 г., жалобы №№ 14526/07, 14747/07, 15022/07, 15737/07, 36137/07, 47245/07, 50371/07, 50372/07 и 54637/07, §§ 51 и 52). Учитывая структурный характер проблемы, выявленной в настоящем деле, Европейский Суд подчеркивает, что должны быть срочно осуществлены конкретные реформы в законодательстве и правоприменительной практике Украины с целью их приведения в соответствие с выводами Европейского Суда, сделанными в настоящем Постановлении, для обеспечения их соответствия требованиям статьи 5 Конвенции. Европейский Суд предоставляет государству самому определить под надзором Комитета министров Совета Европы, каким будет наиболее подходящий способ для решения проблем, и требует, чтобы власти Украины представили стратегию, принятую в связи с этим, в течение шести месяцев со дня вступления настоящего Постановления в законную силу.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

102. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

103. Заявитель утверждал, что ему был причинен моральный вред, но не указал какой-либо суммы. Он оставил определение ее размера на усмотрение Европейского Суда.

104. Власти Украины отметили, что требование возмещения ущерба должно быть конкретным и подтвержденным документами.

105. Европейский Суд полагает, что заявителю был причинен моральный вред. Оценивая указанное обстоятельство на справедливой основе, он присуждает заявителю 20 000 евро по данному основанию.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

106. Заявитель не предъявлял требований. Соответственно, Европейский Суд не присуждает ему каких-либо сумм по данному основанию.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

107. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд единогласно:

1) *признал* жалобу относительно условий содержания под стражей заявителя в части статьи 3 Конвенции, а также на нарушение подпункта «с» пункта 1 и пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции приемлемой, а в остальной части неприемлемой;

2) *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении физических условий содержания под стражей в Киевском СИЗО;

3) *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;

4) *постановил*, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;

5) *постановил*, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;

6) *постановил*, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю 20 000 евро (двадцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в украинские гривны по курсу, который будет установлен на день выплаты, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму;

(b) по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляются простые проценты в размере предельной годовой ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 10 февраля 2011 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Клаудия ВЕСТЕРДИЙК
Секретарь
Секции Суда

Пэр ЛОРЕНСЕН
Председатель
Палаты Суда